

М. Дубинский

**Женщина в жизни великих и
знаменитых людей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. Дубинский**
Женщина в жизни великих и знаменитых людей / М. Дубинский – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 376 с.

ISBN 978-5-4241-5323-5

ISBN 978-5-4241-5323-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тельно, дѣлали это потому, что сознавали неотразимость ея власти. Они убѣгали отъ женщины, но она гналась за ними, какъ тѣнь, неслышная, неосязаемая, но неотступная. Монтанъ восклицалъ: «Если бы все шло по моему желанію, то я не женился бы даже на самой Мудрости, хотя бы она пламенѣла ко мнѣ огненной страстью. Но напрасна борьба, мужчина долженъ подчиниться». Тутъ дѣло идетъ о законномъ бракѣ, но для каждаго ясно, что бракъ только одна изъ многочисленныхъ формъ отношеній къ женщинѣ. Онѣ многочисленны, потому что многочисленны и разнообразны всѣ сферы духа и естества, въ которыхъ повелѣваетъ женщина. Не всегда она вплетаётъ небесныя розы въ земную жизнь мужчины; вмѣсто розъ иногда появляется и репейникъ, но радости бытія такъ многообразны, и мало ли поэтовъ смотрѣли на горечь отравы, которую подносили имъ женщины, какъ на небесный нектаръ?

Женщина не только владетъ отпечатокъ на существо мужчины, она во многихъ случаяхъ составляетъ все его содержаніе. Можно сказать, что мужчина—сумма отношеній къ женщинѣ. Она даетъ ему жизнь—высшее благо, безъ котораго были бы немыслимы всякія другія блага, а когда жизнь уже есть, она является къ нему въ видѣ любимой матери, для которой нѣтъ ничего, чѣмъ бы она ни пожертвовала, когда дѣло идетъ о ея родномъ дѣтищѣ. Затѣмъ она приходитъ къ нему въ видѣ отдаленной мечты, блѣдной и неясной, озаряющей первые проблески его самосознанія, когда онъ находится еще на школьной скамьѣ, но увлекается уже мыслью въ лабиринтъ чувствъ. О, какъ радужны и невинны эти мечты, окутанныя дымкою запретности и тайны! А когда заря юности всходитъ въ его душѣ, украшая ее самыми причудливыми узорами и красками, она становится на его дорогѣ молодой очаровательной дѣвушкой и даритъ его вѣчнымъ поцѣлуемъ, первымъ поцѣлуемъ, магическое дѣйствіе котораго онъ тщетно искалъ бы въ поцѣлуѣ матери. Затѣмъ она сопровождаетъ его на жизненномъ пути въ видѣ жены, сестры, дочери, подруги. Она бережетъ его покой, подслушиваетъ его заветныя думы, охлаждаетъ излишній жаръ, ослабляетъ излишній холодъ. Гдѣ тотъ мужчина, который, пройдя сквозь горнило женскаго вліянія, не очистился бы сердцемъ и душой, если даже онъ пороченъ, и не захотѣлъ бы помириться съ міромъ, не захотѣлъ бы любить, молиться и вѣровать добру, какъ захотѣлъ дѣрмонтовскій Демонъ послѣ встрѣчи съ Тамарой? И развѣ не этотъ процессъ духовнаго возрожденія подъ вліяніемъ женщины такъ ярко живописуетъ Пушкинъ, который также много любилъ на своемъ вѣку, въ маленькомъ, но удивительномъ по яркости и выпуклости стихотвореніи, кстати сказать, также посвященномъ женщинѣ ¹⁾?

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты.
Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.

¹⁾ А. П. Кервь.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
 Разсѣялъ прежнія мечты,
 И я забылъ твой голосъ вѣжнѣй,
 Твои небесныя черты.
 Въ глуши, во мракѣ заточенья
 Тянулись тихо дни мои
 Безъ божества, безъ вдохновенья,
 Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.
 Душѣ настало пробужденье.
 И вотъ опять явилась ты.
 Какъ мимоленное видѣнье,
 Какъ гени чистоты красоты.
 И сердце бьется въ упоеньи,
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье,
 И жизнь, и слезы, и любовь

Есть прекрасная легенда. Я слышалъ ее еще юношею и не помню, какому народу она принадлежитъ; но она такъ ярко рисуетъ значеніе женщины въ жизни мужчины, что лучшую иллюстрацію для отгѣненія идеи въ самой наглядной формѣ трудно найти. Это было во времена сѣдой старины, когда Божество только-что создало землю, треножникъ своего величія, и человѣка, который могъ бы созерцать это величіе. Онъ не былъ Адамомъ, потому что легенда относится къ языческому народу, но онъ былъ одинокъ, какъ Адамъ, и блуждалъ по безцвѣтнымъ полямъ пустынного Эдема, равнодушный и унылый, напрасно отыскивая предметъ, который чѣмъ-нибудь приковалъ бы къ себѣ его глазъ или ухо. Все было пустынно и мертво. Вселенная только-что вышла изъ великой мастерской Божества и ничѣмъ не радовала его нетронутаго сердца. Долго блуждалъ человѣкъ и, наконецъ, взмолился:

— О, Всесильный, Ты далъ мнѣ глаза, чтобы видѣть, но все кругомъ такъ мертво и однообразно! Я усталъ смотрѣть на безжизненный просторъ полей, потому что въ немъ все сѣро и однообразно. Нѣтъ ни одной точки, на которой я могъ бы остановить опечаленные взоры.

Не успѣлъ онъ взмоливать послѣдняго слова, какъ около него показался незнакомый предметъ. То была роза. Ея вѣжные лепестки какъ бы сложились въ боязливую семью и съ легкимъ трепетомъ тянулись къ устамъ человѣка. И человѣкъ ожилъ. Онъ былъ счастливъ. Онъ обожалъ невиданный цвѣтокъ всею силою первобытнаго чувства. Цѣлые дни проводилъ онъ въ созерцаніи неожиданнаго гостя, и уста его безустанно шептали слова благодарности Божеству, величественно возсѣдавшему на своемъ треножникѣ.

Но недолго продолжалось это счастье. Человѣкъ усталъ въ непрерывномъ общеніи съ неземнымъ созданіемъ, которое было прекрасно, но ничѣмъ не могло отвѣтить ему на пылкое чувство. Ему нужно было существо, которое умѣло бы ласкать его слухъ, наполнять воздухъ звуками своего голоса. И онъ снова взмолился:

— О, Всесильный, Ты далъ мнѣ слухъ и создалъ во мнѣ потребность не только говорить, но и слышать, какъ говорятъ другіе. Неполно мое счастье, Всесильный.

И опять совершилось чудо: не успѣлъ онъ промолвить послѣднее слово, какъ около него запорхала птичка. Послышалось веселое щебетаніе. Переливы неслышанныхъ раньше звуковъ задрожали въ воздухѣ жизнерадостными аккордами, вливая въ его сердце потоки новаго, не-

извѣданнаго чувства. Человѣкъ былъ опять счастливъ. Дивныя краски цвѣтка ласкали его зрѣніе, аккорды пѣсни очаровывали слухъ. Онъ былъ полонъ блаженства и его уста шептали слова любви и признательности.

Но прошло много лѣтъ, и человѣкъ снова взмолился:

— О, Всесильный, Ты далъ мнѣ жизнь и блага жизни, но не далъ существа, которое могло бы принять участіе въ моей радости. Ласка нужна мнѣ, Всесильный. Я усталъ въ созерцаніи безмолвной красоты цвѣтка и не радуется меня веселое чириканье птички, которая чуждается меня и улетаетъ, когда протяну къ ней руку.

И вдругъ—о, чудо!—не успѣлъ онъ вымолвить послѣдняго слова, какъ появилась собачка. Съ радостнымъ визгомъ и лаемъ подбѣжала она къ человѣку, вскочила къ нему на колѣни, бросилась на грудь и начала лизать его лицо и руки. Какой восторгъ! Какое упоеніе! Да, только этого милаго, добраго, преданнаго существа ему не доставало! Она не отходить отъ него ни на шагъ, бережетъ его сонъ, согрѣваетъ его любовнымъ жаромъ. Теперь у него все. Больше ему ничего не нужно, ничего...

Но Божество, воссѣдая на треножникѣ своего величія, землѣ, спокойнымъ окомъ созерцало радость перваго человѣка и думало о судьбѣ первенца, для котораго не настала еще минута полнаго счастья. Оно видѣло, что человѣкъ не доволенъ еще жизнью, что около него нѣтъ предмета, который могъ бы ему замѣнить всѣ прежніе, который цвѣлъ бы, какъ роза, чирикалъ бы, какъ птичка, и ласкался бы и былъ преданъ, какъ это маленькое доброе животное, никогда не отходящее отъ него ни на шагъ. Оно знало, что человѣку нуженъ еще разумный другъ и сознательный товарищъ и что до тѣхъ поръ, пока не будетъ у него этого товарища и друга, онъ будетъ попрежнему томиться и тосковать. И человѣкъ дѣйствительно взмолился вскорѣ.

— О, Всесильный, я всѣмъ доволенъ и благодаренъ за все. Но не преступенъ я, если сердце проситъ иного, лучшаго. Ты далъ мнѣ разумъ и волю, Ты вселилъ въ меня потребность стремиться и желать. Когда же успокоится мой тревожный умъ? Когда же самъ я скажу себѣ: «Довольно»?

И исполненнымъ мольбою взоромъ человѣкъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣло Божество на своемъ величественномъ треножникѣ. О, чудо, Божества больше не было! Оно унеслось въ безпредѣльные пространства вселенной, а на Его мѣстѣ, вся въ цвѣтахъ радуги, озаренная небеснымъ сіяніемъ, свѣтлая, какъ улыбка младенца, и прекрасная, какъ мечта, сидѣла женщина.

Легенда прибавляетъ, что человѣкъ больше ничего не требовалъ...

М. Дубинскій.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

П О Э Т Ы.

I.

ГРЕЦІЯ.

Анакреонъ.—Архилохъ.—Алкей.—Пиндаръ.—Эврипидъ.

Поэтамъ — первое мѣсто. Поэты всегда высоко ставили культъ женщины. Они окружали ее ореоломъ, поднимали на высокой пьедесталъ, посвящали ей свои думы, для нея расточали пылъ души, ей въ жертву приносили лучшія мечты и надежды. Можно сказать, что поэзія родилась вмѣстѣ съ женщиною и въ то время, когда праматерь Ева вышла изъ Адамова ребра, Адамъ уже былъ поэтомъ.

Нечего говорить, что въ античномъ мірѣ поклоненіе женщинѣ было особенно сильно развито. Древній грекъ или римлянинъ умѣли лучше своихъ отдаленныхъ потомковъ созерцать красоту въ ея первоисточникѣ—женщинѣ. Всѣ эти многочисленныя произведенія искусства, завѣщанныя намъ сѣдой стариной, являются только яркимъ доказательствомъ мощи, которою пользовалась тогда женщина, и какъ бы воскрешаютъ передъ нами идеи и чувства далекаго прошлаго. Недаромъ древніе художники такъ усердно работали надъ воспроизведеніемъ красоты женскаго тѣла, недаромъ они считали высшей задачей искусства извлеченіе изъ мрамора божественныхъ формъ, которыми наградили женщинъ олимпійскіе боги, бывшіе также большими поклонниками женщины. Мы говоримъ «женщины» въ узкомъ смыслѣ этого слова, потому что древніе цѣнили въ женщинѣ не ея умъ, не добродѣтель, не общественные таланты, а красоту, иными словами—чисто физическую сторону ея существа. Чѣмъ это объясняется — извѣстно. Женщина была побочной величиною. Она играла роль въ семьѣ, но не какъ равноправный членъ ея, а какъ второстепенная единица, всѣ функціи которой заключались въ рожденіи дѣтей и уходѣ за хозяйствомъ. Какъ остроумно выражается Шерръ, говоря о спартанской женщинѣ: «Супружескія отношенія не шли дальше чисто животныхъ потребностей, и это потому, что бракъ, по закону Ливурга, обращался въ рационально устроенный заводъ для

расположенія людей»¹⁾). Женщина пользовалась безусловнымъ поклоненіемъ мужчины, но тотъ же мужчина держалъ ее за тремя замками въ своемъ теремѣ, который не уступитъ нынѣшнимъ гаремамъ въ Турціи, держалъ, какъ драгоценную вещь, которую прачутъ въ ящикъ и вынимаютъ только тогда, когда отправляются въ многолюдное собраніе. Впрочемъ, и въ многолюдныя собранія не выводилась древняя женщина, если не считать религиозныхъ церемоній.

Вполнѣ понятно поэтому, что въ обществѣ должны были играть большую роль гетеры. Замкнутая, подчиненная, почти рабская роль древне-греческой или римской женщины дѣлала ее существованіемъ незамѣтнымъ. Между тѣмъ потребность въ женскомъ обществѣ была очень велика, такъ какъ женщина, какъ сказано, являлась главной носителницей высшаго начала, передъ которымъ преклонялся грекъ или римлянинъ, — красоты въ ея высшей, законченной формѣ. Вотъ почему, говоря о древней женщинѣ, какъ о свободной представительницѣ общества, приходится имѣть въ виду только гетеру. Ей, этой легкомысленной, развратной, но прекрасной жрицѣ чувства, ей, продававшей свою любовь за деньги, но въ то же время умѣвшей вливать въ душу созерцателя ея красоты невыразимую радость и блаженство, — ставились статуи, воздвигались мавзолеи и курился еямамъ не только въ переносномъ, но, и въ истинномъ смыслѣ слова, потому что существовали храмы посвященные любви и страсти. Даже такой идеалистъ, какъ Платонъ не возставалъ противъ вѣббрачныхъ отношеній между представительницами обоаго пола. Все, что было знатнаго и талантливаго, пресмыкалось во прахъ передъ гетерами и несло къ ихъ ногамъ славу, талантъ, богатство. Даже правосудіе склоняло передъ ними свое знамя, и когда адвокатъ Фрины, не находя достаточно сильныхъ аргументовъ, чтобы повліять на ея судей, сорвалъ съ нея покровы, — суровые, грозные, безпощадные судьи смѣнили гнѣвъ на милость и вмѣсто обвинительнаго вынесли оправдательный приговоръ.

Анакреонъ и гетеры. Оглядывая мысленно длинную галерею поэтовъ, завѣщавшихъ міру свои мечты и восторги, невольно останавливаешься на Анакреонѣ, этомъ древнѣйшемъ и пламеннѣйшемъ представителѣ науки страсти нѣжной, которую къ тому же онъ довелъ до послѣдняго слова. «Въ лицѣ Анакреона, — говоритъ профессоръ дублинскаго университета Дж. П. Магаффи, — мы видимъ утонченнѣйшаго придворнаго, поклонника вина и любви, человѣка, исчерпавшаго до дна всѣ человѣческія наслажденія и не знавшаго никакого горя, кромѣ появленія сѣдинъ на его головѣ и пренебреженія статныхъ юношей и красивыхъ дѣвушекъ къ начинавшейся его старости. Онъ не вмѣшивался въ политическія дѣла, не давалъ серьезныхъ наставленій по вопросамъ нравственности, стоялъ особнякомъ отъ всѣхъ высшихъ цѣлей и стремленій его времени; онъ былъ по преимуществу «вольнымъ пѣвцомъ незанятаго дня», «любимымъ поэтомъ роскошнаго и чувственнаго двора»²⁾). Рѣзкіе нападки на Артемона были, кажется, вызваны эротической ревностью; гимны къ

¹⁾ I. Шерръ. «Историческія женщины», пер. Н. Есипова, стр. 8.

²⁾ Поликрата Самоссаго.

Діонису не имѣли религіознаго характера, а просто являлись свѣтскими произведеніями. Это отсутствіе серьезности проникало въ самую глубину его натуры»¹⁾. Вотъ на кого оказывала сильное вліяніе женщина. Вотъ поэтъ, творческая дѣятельность котораго носить на себѣ яркій отпечатокъ огня, переполнявшаго его сердце. Нѣтъ ни одного поэта во всемірной литературѣ, который довелъ бы до такой полноты и законченности культъ женской красоты и сумѣлъ бы сохранить свое міросозерцаніе нетронутымъ до конца дней.

Славлю вѣжнаго Эроса:
Онъ сильнѣе всѣхъ боговъ;
Онъ царитъ въ вѣнцѣ, сплетенномъ
Изъ бесчисленныхъ цвѣтовъ.
Смертныхъ мощный укротитель,
Онъ самихъ боговъ властитель²⁾.

Нечего говорить, что въ своихъ стихотвореніяхъ онъ воспѣваетъ только гетеръ, господство которыхъ особенно усилилось въ царствованіе Пизистрата, захватившаго власть въ отсутствіе суроваго Солона и вмѣсто строгихъ нравовъ насадившаго Аѣины предметами искусства и легкими взглядами на жизнь. Называть имена женщинъ, которыхъ любилъ Анакреонъ, бесполезно: ихъ было много—во-первыхъ, а во-вторыхъ, онъ, можетъ быть, врядъ ли отличалъ одну гетеру отъ другой и во всякомъ случаѣ мало печалился, если какая-либо изъ его возлюбленныхъ не обращала на него вниманія. Онъ самъ указалъ на свое легкомысленное перепархиваніе отъ одной женщины къ другой въ граціозномъ полу-шуточномъ стихотвореніи, озаглавленномъ: «Любовницамъ»:

Всѣ листья на деревьяхъ
Ты вѣрнымъ счетомъ знаешь,
И на морѣ широкомъ
Всѣ волны сосчитаешь—
Сочти жь моихъ любовницъ!
Въ Аѣинахъ для вачатка
Ты запиши мнѣ двадцать
И полтора десятка.
Потомъ считай въ Коринѣхъ
По дѣлымъ легионамъ:
Уступитъ вся Эллада
Въ краѣ коринескимъ женамъ.
Теперь сочти въ Лезбосѣ,
Въ Іоніи, въ Родосѣ,
И въ Каріи... пожалуй—
Двѣ тысячи... немного..
Что скажешь? Отвѣчай же:
Далеко до итога!
Нисирскимъ и канотскимъ
Не свежъ еще я счета...
Да въ Кригѣ всеобильномъ,
По городамъ Эроса,
Гдѣ таинства уставилъ
Любви законодавецъ.
Сочти вдобавокъ къ прежнимъ,
Души моей красавицъ.

¹⁾ Д. ж. П. Магаффи. «Исторія классическаго періода греческой литературы». пер. А. Веселовской, стр. 179.

²⁾ Пер. А. Мейя, Сочиненія, т. 3.

Но какъ ихъ сосчитаешь —
 Спрошу тебя заранѣ—
 За Кадиксомъ, за Индомъ
 И въ дальной Бактрианѣ? ¹⁾

Одну только «блѣкоую Эврипилу» Анакреонъ любилъ, повиди-мому, глубоко, такъ какъ написалъ бранное стихотвореніе по адресу соперника, называя его бродягою и рассказывая, что прежде онъ носилъ дырявый плащъ, истертую шапку и деревянные подвѣски, таскался съ торговками и разгульными женщинами и позоромъ добываетъ себѣ хлѣбъ, а теперь онъ ѣздитъ въ колесницѣ и носить золотыя серьги и зонтикъ изъ слоновой кости ²⁾. Такая ругань въ устахъ столь чистаго эпикурейца, какъ Анакреонъ, несомнѣнно свидѣтельствуеетъ о сильномъ чувствѣ.

Было бы, конечно, странно порицать Анакреона за жаръ души, расстранный въ пустынѣ, или, что то же, за пылкую страсть къ гетерамъ. Время было такое. Умный, краснорѣчивый Пизистратъ сумѣлъ уловить основную черту характера аѳинскаго народа и увлечь его жизнью, свободной отъ стѣснительныхъ узъ морально-политическаго кодекса, навязаннаго ему Солономъ. Недаромъ послѣдній такъ сильно негодовалъ, когда, вернувшись на родину, увидѣлъ, что всѣ труды его напрасны, что отъ великолѣпнаго зданія аѳинской гражданственности, выстроеннаго имъ искусной рукою, не осталось и камня на камнѣ. Онъ могъ излить горечь тоски своей въ стихотвореніи «Бѣдствіа аѳинянъ», въ которомъ восклицалъ: «Аѳиняне, не приписывайте вашего бѣдствія богамъ: оно порождено вашимъ развратомъ, вы сами придали силу гнетущимъ васъ рукамъ!» ³⁾. Этимъ отчасти объясняется также и развращенность нравовъ, заставлявшая даже наиболѣе свѣтлыхъ людей своего времени искать наслажденій въ неестественныхъ порокахъ, которые, впрочемъ, и пороками тогда не считались, такъ какъ создали цѣлый контингентъ мужчинъ съ женоподобными лицами, открыто торговавшихъ своей красотой не хуже любой гетеры. Анакреонъ не былъ свободенъ отъ упрека въ этомъ отношеніи, и можно смѣло сказать, что, если женщина играла въ его жизни и поэзіи огромную роль, то не менѣе огромную роль играли также и мужчины. Какъ и гетерь, ихъ было въ то время очень много, и Анакреонъ увѣковѣчилъ ихъ имена въ своихъ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ къ перламъ его вдохновенія. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ: Вавиллъ, Смердисъ, «Леобулъ», Симола. Читая пѣсни знаменитаго поэта, посвященные этимъ лицамъ, невольно удивляешься искренности чувства и нѣжности настроенія, которое могло быть навѣяно только глубокой привязанностью. Вотъ, напримѣръ, маленькое стихотвореніе, озаглавленное: «Вавиллу».

Ляжемъ здѣсь, Вавиллъ, подъ тѣнью,
 Подъ густыми деревьями,
 Посмотри, какъ съ нѣжныхъ вѣтокъ
 Листы свѣсались кудрями.
 Ключъ журчитъ и убѣждаетъ
 Насладиться мягкимъ ложемъ.

¹⁾ Перев. Мел.

²⁾ Г. Штоль. «Великіе греческіе писатели», перев. О. Морозова, стр. 104—105.

³⁾ Замѣтки Мелъ объ Анакреонѣ, Сочиненія, т. 3, стр. 101.

Какъ такой пріютъ прохладный
Миновать съ тобой мы можемъ? ¹⁾

Современники Анакреона не только не находили ничего возмутительнаго въ пѣснопѣніяхъ Анакреона, посвященныхъ красавцу-мужчинѣ, но поставили даже бронзовую статую Ваэилла въ храмѣ Геры въ Самосѣ...

Мы пройдемъ мимо этихъ безобразныхъ сторонъ человѣческаго духа, объясняемыхъ только своеобразными взглядами на жизнь, и если упомянули о нихъ, то только потому, что корень ихъ кроется въ томъ же стремленіи въ идеальной красотѣ, воплощеніемъ которой являлась женщина. Ваэиллъ или Клеобулъ уже не были мужчинами въ глазахъ Анакреона. Описывая ихъ въ своихъ граціозныхъ стихотвореніяхъ, онъ дѣлаетъ то же самое, что дѣлаютъ всякіе поэты при описаніи парижъ своего сердца, т. е. тщательно рассказываетъ, какіе у него глаза, шея, волосы, цвѣтъ лица, руки. И проявленія чувства были тѣ же. Страсть и нѣжность чередовались съ ревностью или охлажденіемъ. Особенно поучительно въ этомъ смыслѣ отношеніе Анакреона къ еракійскому мальчику Смердису. Тираниъ Поликратъ, рассказываетъ Штоль ²⁾, получилъ его въ подарокъ отъ еракійскихъ грековъ и питалъ къ нему большую привязанность. Анакреонъ также проникся къ нему нѣжнымъ чувствомъ. И вотъ между поэтомъ и тираномъ завязалась тонкая, но серьезная борьба: одинъ старался привлечь къ себѣ мальчика прекрасными пѣснями, другой — подарками. Озлобленный и ревнивый Поликратъ приказалъ обстричь роскошныя кудри мальчика и обезобразилъ его. И Анакреонъ пишетъ по этому поводу прочувствованныя стихотворенія, въ которыхъ выражаетъ и сожалѣніе, и грусть.

Повторяемъ, только однимъ вліяніемъ времени можно объяснить эту странную аномалію, которую такъ мѣтко истолковалъ одинъ изъ лучшихъ иностранныхъ переводчиковъ Анакреона Денне-Баронъ, когда писалъ: «Но что сказать о пылкой привязанности поэта къ красавцу Клеобулу, къ нѣжному Мемсту, къ юному Ваэиллу, этому идеалу всѣхъ совершенствъ? Мы можемъ сказать вотъ что: однѣ только цѣломудренныя музы, однѣ во всей Греціи, покраснѣли и опустили покрывала, когда на Олимпѣ, за трапезою Зевса, юный виночерпій Ганимедъ смѣнилъ дѣвственную Гебу»... ³⁾

Не одинъ только Анакреонъ изъ древнихъ поэтовъ подчинился чарамъ любви и не на одного только его поэтическое творчество вліяли женщины. Объ Архилохѣ, напримеръ, этомъ яркомъ представителѣ элегии, распространеннейшей изъ Іоніи по европейской Греціи (жилъ въ VII вѣкѣ до Р. Х.), народное преданіе рассказываетъ, что онъ влюбился въ младшую дочь одного паросца Ликамба, который сначала далъ было согласіе на бракъ его дочери съ поэтомъ, но потомъ взялъ свое обѣщаніе назадъ. По свидѣтельству Штоля ⁴⁾, Архилохъ, повидимому, страстно любилъ красивую дѣвушку «съ ароматными волосами, которая могла бы свести съ

¹⁾ Пер. Мей.

²⁾ Штоль. «Великіе греческіе писатели», стр. 102.

³⁾ Мей. «Замѣтки объ Анакреонѣ», т. 3, стр. 106.

⁴⁾ Штоль. «Великіе греч писатели», стр. 59.

ума любого старика». Когда онъ видѣлъ, какъ она играла миртовой вѣткою и свѣжей розою и кудри ея волнами рассыпались по плечамъ, тогда «любовь вполнѣ овладѣвала имъ, такъ что онъ, полумертвый, чувствовалъ боль во всемъ тѣлѣ». Когда же отецъ ея, можетъ быть вслѣдствіе бѣдности молодого человѣка, а можетъ быть и вслѣдствіе его неприятнаго для многихъ образа мыслей, «нарушилъ великую клятву, данную за дружескимъ хлѣбомъ-солью», тогда оскорбленный поэтъ, «который ничего лучшаго не могъ сдѣлать, какъ отплатить зломъ тому, кто съ нимъ зло поступилъ», въ страшномъ гнѣвѣ началъ въ стихахъ своихъ осыпать Дикамба и его дочерей такими позорящими насмѣшками, что несчастныя со стыда и отчаянія всѣ повѣсидись. Здѣсь мы видимъ одинъ изъ яркѣхъ примѣровъ любви, которая подъ давленіемъ обстоятельствъ превращается въ сильную ненависть, не только отражаясь извѣстнымъ образомъ на характерѣ творческой дѣятельности поэта, но придавая ей совершенно другую окраску. Велико же должно было быть вліяніе любимой дѣвушки, если изъ мягкаго, свѣтлаго, элегическаго поэта Архилохъ сдѣлался неумолимымъ мстителемъ и карателемъ предмета собственной страсти.

Можетъ быть, не столь трагическою, но во всякомъ случаѣ столь же неудачною была любовь другого греческаго поэта Алкея, современника Архилоха, къ Сафо. Богатый аристократъ, для котораго были открыты всѣ радости жизни, Алкей по натурѣ и роду поэтической дѣятельности очень напоминалъ Анакреона. Какъ и іонійскій пѣвецъ, который ничего другого не могъ пѣть, кромѣ любовныхъ чувствъ, и меланхолически восклицалъ, отуманенный винными парами:

Хочу я пѣть Атридовъ,
И Кадмовъ пѣть охота,
А Барбитовъ струнами
Поеть мнѣ про Эрота ¹⁾.

Такъ и Алкей воспѣвалъ Вакха и Афродиту, посвящая имъ большую часть своихъ поэтическихъ лорывовъ, и, конечно, такая изящная, красивая и богато одаренная талантомъ дѣвушка, какъ Сафо, не могла не привлечь къ себѣ его вниманія и внушить серьезную страсть. Алкей и Сафо были несомнѣнно близки между собою, но близость эта не перешла за предѣлы добраго товарищества. Это видно изъ одного стихотворенія Алкея, въ которомъ, называя Сафо «пышноволосою, величественною, приятно улыбающеюся», поэтъ говоритъ, что хотѣлъ бы признаться ей въ любви, но не можетъ. «Сказалъ бы я, но мнѣ стыдно». На это Сафо отвѣчала: «Если бы то, чего ты желаешь, было хорошо, если бы то, что ты хочешь сказать, было не позорно, то стыдъ не смутилъ бы тебя и ты свободно высказалъ бы всѣ свои желанія» ²⁾.

Переходя отъ извѣжнаго, преданнаго наслажденія Пиндаря и Коринна. Алкея къ величавому Пиндару (родился въ 522 г. до Р. Х.), приходится отмѣтить, что въ области женскаго вліянія нѣтъ разницы между легкомысліемъ и солидностью мужчины. Любви всѣ

¹⁾ Пер. Мея.

²⁾ Ш толь. «Великіе греческіе писатели», стр. 83.

возрасты покорны. Серьезный, задумчивый, глубокорелигиозный, онъ не ускользнулъ отъ женскихъ чаръ, хотя вліяніе это выразилось, насколько извѣстно, только въ постоянномъ антагонизмѣ съ поэтессою Коринною ¹⁾. Встрѣтился онъ съ нею въ своемъ родномъ городѣ Беотіи (въ Фивахъ), послѣ того какъ, научившись стихотворному искусству и приобрѣтя достаточно познаній въ Аѣнахъ, онъ вернулся туда двадцатилѣтнимъ юношею, чтобы всецѣло отдаться своимъ поэтическимъ наклонностямъ. Первоначально отношенія между поэтомъ и Коринною были дружескія. Поэтесса даже играла роль наставницы по отношенію къ Пиндару и часто, черпая изъ мѣоовъ темы для вдохновенія, упрекала поэта за то, что онъ относится совершенно индифферентно къ этому неизсякаемому источнику возвышенныхъ думъ и поэтического настроенія. Пиндаръ послушался и написалъ гимнъ, въ которомъ прибѣлъ все извѣстное ему изъ области мѣологіи. Коринна разсмѣялась, когда ея поэтический ученикъ и пріятель поднесъ ей свое стихотвореніе, и воскликнула: «Надо снѣять горстью, а не цѣлымъ мѣшкомъ!». Очень можетъ быть, что Пиндаръ послушался. Объ этомъ исторія умалчиваетъ, точно также какъ она умалчиваетъ о дальнѣйшихъ отношеніяхъ его къ своей наставницѣ и подругѣ. Можно только догадываться, что окончились они далеко не благополучно. По крайней мѣрѣ, имѣются свѣдѣнія, что между Пиндаромъ и Коринною происходили однѣ лишь ссоры. Такъ, извѣстно, что она порицала Пиндара за пользование формами другихъ діалектовъ и нежеланіе писать на чистомъ родномъ языкѣ. Такъ какъ беотійцамъ было, конечно, пріятнѣе читать произведенія на собственномъ языкѣ, то на поэтическихъ состязаніяхъ пальма первенства предоставлялась Кориннѣ. Пять разъ она одерживала надъ нимъ побѣду. Пиндаръ злился, негодовалъ, приписывалъ успѣхи не ея таланту, а красотѣ, и въ концѣ концовъ прозвалъ даже свиньею. Штоль старается снѣять съ величаваго Пиндара упрекъ въ употребленіи такихъ не позволительныхъ въ порядочномъ обществѣ словъ указаніемъ на то, что слово «свинья» не имѣло тогда того ругательнаго значенія, какое принадлежитъ ему теперь; но сомнительно, чтобы свинья когда-либо пользовалась почетомъ.

Обобщалъ ли Пиндаръ свое чувство къ Кориннѣ, иными словами, сдѣлался ли онъ женоненавистникомъ или, по крайней мѣрѣ, хулителемъ слабаго пола, неизвѣстно, но другой великій поэтъ древности, Эврипидъ, имъ сдѣлался. Благодаря неблагоприятнымъ условіямъ семейной обстановки, жизнь его сдѣлалась даже сплошной драмою. Одинъ изъ величайшихъ представителей древней трагедіи, относительно котораго Фукидидъ отозвался, что могилею ему служить вся Греція, а отечествомъ Аѣны и вся Эллада, пользовался большимъ почетомъ, какъ поэтъ и гражданинъ, но былъ очень несчастливъ у себя дома. Обладая угрюмымъ, молчаливымъ характеромъ, онъ любилъ уединеніе, чуждался веселья и, конечно, не ему

¹⁾ Д. ж. П. Магаффи. «Исторія классическаго періода греческой литературы». пер. А. Веселовской, стр. 193 и 207. Рядомъ съ Коринною Пиндару пришлось еще сталкиваться съ другой поэтессою — Миртиссою. о которой, однако, извѣстно очень мало.